

Научная статья

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-5-13

Эпистемический патернализм и акрасия

Александр Анатольевич Шевченко

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

Эпистемический патернализм обычно понимается как вмешательство в познавательную деятельность другого лица без его согласия, но ради его блага. Говоря об благе эпистемическом, чаще всего имеют в виду традицию «веритизма», т. е. стремления к истине. В статье обосновывается тезис о том, что одним из вариантов оправдания эпистемического патернализма может быть эпистемическая акрасия, интеллектуальный дефект, который выражается либо в принятии противоположных мнений, либо в неспособности сделать выводы из уже принятых положений, либо в отказе придерживаться эпистемических установок более высокого порядка. Коррекция такого поведения требует расширительного толкования эпистемического патернализма при соблюдении страховочных механизмов, защищающих такие личные ценности, как свобода и автономия.

Ключевые слова

субъект познания, автономия, эпистемическая акрасия, эпистемическое благо, убеждение, истина, рациональность

Для цитирования

Шевченко А. А. Эпистемический патернализм и акрасия // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 5–13. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-5-13

Epistemic paternalism and akrasia

Alexander A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

Epistemic paternalism is usually understood as interference in the inquiry of another person without their consent, but for their own good. The epistemic good is often treated in the tradition of “veritism” which means the pursuit of truth. The article argues that one of the options for justifying epistemic paternalism

© Шевченко А. А., 2022

can be epistemic akrasia, that manifests itself either in the acceptance of opposing views, or the inability to draw conclusions from already accepted premises, or the refusal to adhere to higher-order epistemic attitudes. Correcting such behavior requires an expansive interpretation of epistemic paternalism while respecting safeguards that protect such personal values as freedom and autonomy.

Keywords

epistemic subject, autonomy, epistemic akrasia, epistemic good, belief, truth, rationality

For citation

Shevchenko A.A. Epistemic paternalism and akrasia. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3, p. 5–13. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-5-13

Эпистемический патернализм – относительно новая тема в социальной эпистемологии. Одним из ее пионеров был Элвин Голдман, который выделил следующие признаки эпистемического патернализма: во-первых, это вмешательство в познавательную деятельность (*inquiry*) других людей, при этом такое вмешательство обычно осуществляется посредством тех или иных ограничений на доступную информацию. Во-вторых, вмешательство происходит без согласия тех людей, на которых распространяются ограничения, хотя это не всегда является обязательным условием. В-третьих, вмешательство и ограничения должны быть направлены на благо того, чья познавательная свобода ограничивается, хотя и это условие может пониматься весьма расширенно [Goldman, 1991]. Ряд последователей сформулировали его в более строгой форме, а также начали разрабатывать не только аргументы в защиту познавательной свободы и автономии, но и возможности такого использования эпистемического патернализма, который бы в конечном итоге шел на пользу тем, в чью деятельность осуществляется вмешательство.

Исходно, по значению слова, патернализм – форма контроля, который имеет родитель над ребенком, но с философской точки зрения интерес представляют ситуации, в которых этот контроль принадлежит социальным институтам и, в первую очередь, государству. Вообще говоря, забота государства в виде патерналистского вмешательства вполне понятна и привычна. Она включает такие стандартные действия, обеспеченные законом, как обязательное использование ремней безопасности, ограничения на продажу алкоголя или рецептурных лекарств, избирательную подачу учебного материала в образовательных учреждениях и т. д. Представителями профессий, наиболее часто практикующих эпистемический патернализм, помимо учителей являются также врачи и представители юридической практики (судьи, присяжные) [Jackson, 2020]. Сам Э. Голдман в качестве одного из примеров эпистемического патернализма приводит сокрытие части информации о прошлом подсудимого от жюри присяжных ради достижения большей объективности. При этом, по мнению Э. Голдмана, такие практики служат не только общему благу, способствуя объективности результата, но именно благу тех, от кого скрывается часть информации, так как такой патернализм защищает их от собственных предрассудков, «...аналогично тому как родитель может прятать опасные игрушки или другие предметы от детей или не сообщать им некоторые факты» [Goldman, 1991. P. 118]. Таким образом, выполняется третье

условие, содержащееся в общих определениях патернализма, – ограничение свободы (в данном случае в плане доступа к информации) происходит в интересах того лица, чья свобода ограничивается.

Но, конечно, субъектом контроля может быть не только государство. Так, все большую озабоченность вызывают ограничения и модерация пользовательской информации со стороны социальных сетей. Делается это обычно под предлогом борьбы с фейковыми новостями или «вредоносным контентом» и соответствует стандартному трехчастному определению патернализма: 1) ограничение информации 2) без ведома или согласия опекаемых 3) ради их собственного блага. Кроме прямого ограничения есть менее явные примеры такого патернализма, например автоматическая подстройка ленты новостей под вкусы и интересы пользователя, фильтрующая контент, который он, возможно, не всегда осознанно, предпочел бы не видеть [Castro, Pham, Rubel, 2020. Ch. 2]. Здесь уже встает вопрос об ответственности не только владельцев сетей, но и разработчиков программного обеспечения в плане того, какие изменения в функционал они могут вносить в тех случаях, когда это напрямую влияет на доступ к информации. Прагматическим основанием для эпистемического патернализма часто служит то, что ограничение доступа к той или иной информации может способствовать достижению поставленных целей: например, «слепой эксперимент» или «слепое рецензирование», когда часть информации скрывается либо ради уменьшения количества погрешностей в эксперименте, либо для обеспечения объективности и беспристрастности профессиональной оценки.

Сформулированные Э. Голдманом признаки эпистемического патернализма сразу же вызвали множество комментариев и критики. Прежде всего, если даже признать, что наиболее распространенная форма вмешательства в познавательную деятельность – это сокрытие информации, то эта форма не единственная. Возможны и ситуации нежеланного (против воли человека) раскрытия информации – варьирующиеся от разного рода спойлеров до сообщения медицинских диагнозов в тех случаях, когда пациент предпочел бы их не знать. В этом случае эпистемические ценности, ради которых осуществлялось это вмешательство, вступают в конфликт с ценностями более общего порядка. Если эпистемический патернализм в отношении детей понять легче, ссылаясь на их ограниченную способность к полному или адекватному пониманию, то как оправдать ограничения в отношении взрослых дееспособных людей, осознающих, в чем состоит их благо, и полностью отвечающих за свои поступки? Ценой за такое вмешательство неизбежно становится частичное ущемление таких важных ценностей, как личная свобода и автономия. Ключевой вопрос поэтому состоит в том, насколько и в каких случаях такое ущемление может быть оправдано.

Прежде всего нужно попытаться понять, что следует считать благом, которое должен обеспечить эпистемический патернализм. Благо может пониматься как в узком смысле – как благо эпистемическое или в широком – как любое благо, которого можно достигнуть таким патерналистским вмешательством. В последнем случае возникают сомнения в возможности различить патернализм эпистемический и «общий», поэтому обычно обсуждается благо эпистемическое,

которое может пониматься как любое улучшение или совершенствование познавательной деятельности или познавательных возможностей субъекта познания.

Эпистемическое благо индивида, как правило, трактуется либо в терминах более полного приближения к истине (традиция «веритизма»), либо лучшего понимания ситуации (современная тенденция в эпистемологии добродетелей). В первом случае «эпистемическое совершенствование» напрямую коррелирует с увеличением числа истинных убеждений, которыми обладает либо индивид, либо сообщество. В качестве альтернативы в теории добродетелей эпистемическое совершенствование отождествляется не только со способностью субъекта делать истинные утверждения, но и иным образом совершенствовать свои интеллектуальные возможности, такие, например, как способность к правильным умозаключениям или способность к пониманию. С этой точки зрения эпистемические улучшения возможны и без увеличения количества истинных убеждений, если, например, совершенствуется процедура вывода или достигается понимание более обширных контекстов.

Итак, эпистемический патернализм – это форма контроля за знанием других людей ради их собственного блага. При этом контролирующий субъект не обязан быть экспертом в той области знания, которую он контролирует, хотя Э. Голдман как раз полагал, что наличие экспертного знания может придать легитимность эпистемическим ограничениям. В пример он приводит образовательный процесс, в котором ученикам никогда не предоставляется вся полнота информации и все точки зрения по всем вопросам. При этом ограничения вводятся на двух уровнях: во-первых, отбирается точная информация, соответствующая истине, а на втором этапе уже из этого содержания отбирается только часть, которая может быть изучена по причине практических ограничений. Среди примеров, которые могут быть исключены из школьной программы, Голдман упоминает представления о том, что земля плоская, астрономию Птолемея, астрологию, а также креационизм [Goldman, 1991]. При этом последний, например, не должен изучаться в школах, если, по его мнению, ученые-эксперты вынесут решение о том, что креационизм – не научная теория. Конечно, проблема здесь в том, что экспертами себя считают оба противоборствующих лагеря – как противники, так и сторонники креационизма, приводя различные свидетельства в свою пользу, так что в данном случае имеет место, прежде всего, борьба идеологий. Понятно и то, что одного только экспертного знания явно недостаточно для определения содержания учебных программ и, в более общем плане, для предпочтения одного массива данных в ущерб другому. Эксперты имеются во всех областях, но это не значит, что они могут решать, какой объём информации будет нам доступен.

Кроме того, необходимо различать цели познания и средства. Безусловно, есть случаи, когда эксперт может помочь нам в средствах достижения цели, которую мы явно или неявно обозначили как желаемую. Но если эксперт определяет наши познавательные цели за нас, это уже является недопустимым нарушением нашей познавательной свободы и автономии. Нужно учитывать и то, что цели человека динамичны, они могут изменяться в самую неожиданную сторону. Такие перемены могут являться следствием не вполне «прямого» познавательного пути, результатом случайных знакомств с плохо обоснованными или ложными теори-

ями. Следует иметь в виду, что прокрустово ложе жесткого экспертного вмешательства может заранее лишит человека столь необходимой ему познавательной свободы и экспериментов в области познания и самопознания.

Значительная часть современных дискуссий об эпистемическом патернализме посвящена вопросам о том, в каких случаях такое поведение оправдано при том, что здесь имеет место явное нарушение или ограничение таких важнейших ценностей, как личная свобода и автономия. Самый общий аргумент пользу эпистемического патернализма тот же, что служит обоснованием патернализма в целом. Это прагматический аргумент, суть которого в том, что такое вмешательство возможно, если благо того лица, чья свобода ограничивается, перевешивает издержки, связанные с таким вмешательством. Здесь можно вспомнить известный пример Дж. Милля: «Если должностное или даже частное лицо усмотрит, что кто-нибудь намеревается перейти через мост, через который нельзя пройти без опасности для жизни, и при этом не будет иметь времени предупредить о существовании этой опасности, то может схватить или попятить назад идущего, и это нисколько не будет нарушением индивидуальной свободы, так как свобода состоит в том, чтоб мне не препятствовали делать то, что я желаю, а я не имею желания свалиться с моста в реку» [Милль, 1995. С. 374]. Легко заметить, что этот аргумент напоминает доводы Сократа о том, что никто в здравом уме не может желать себе зла. В диалоге «Протагор» он утверждает, что «...никто – если он знает или предполагает, что нечто иное, и притом выполнимое, лучше, чем то, что он совершает, – не станет делать того же, что раньше, коль скоро возможно нечто лучшее [Платон, 1990. С. 471]. Конечно, как мы теперь понимаем, такой вывод следует из идеализированного представления о человеке как полностью рациональном, всегда нормативно ориентированном существе, не подверженном никаким когнитивным ограничениям.

Главным, но уже специфическим аргументом в пользу эпистемического вмешательства служит опять же прагматический тезис о том, что оно допустимо в тех случаях, когда ведет к совершенствованию эпистемического поведения или какому-то «улучшению» наших познавательных возможностей. Как уже отмечалось, здесь имеется в виду не только содержательная помощь в отборе информации, но и совершенствование операций вывода или же минимизация возможного ущерба. Так, один из известных защитников эпистемического патернализма Алстром-Вий полагает, что, к примеру, в сфере образования учителя могут скрывать правильные и истинные теории в том случае, если такие теории могут сбивать с толку студентов и способствовать неверным выводам [Ahlstrom-Vij, 2013. P. 31].

Важной исходной предпосылкой защитников эпистемического патернализма является утверждение о том, что та среда, в которой мы осуществляем свою познавательную деятельность, не является нейтральной. Бездействие в этой сфере может привести к тому, что субъектам познания будет нанесен ущерб теми, кто находится во властных позициях в информационной экономике, что также ограничит интеллектуальную автономию тех, о ком мы заботимся, но ограничит ее уже представители противоположного лагеря [Godden, 2020. P. 185]. Следуя такой логике, эпистемический патернализм – это ответные действия, целью ко-

торых является выравнивание эпистемического пространства с целью создания справедливых условий для познавательной деятельности.

Главным аргументом, по мнению одного из основных защитников эпистемического патернализма, служит то, что наши когнитивные ограничения и склонности «...делают маловероятным, что мы можем полагаться сами на себя в плане эпистемического совершенствования» [Ahlstrom-Vij, 2013. P. 177]. Другими словами, нам необходима помощь, в том числе и для защиты нашей интеллектуальной свободы и автономии.

Улучшение познавательных возможностей может пониматься и как минимизация когнитивных недостатков, присущих эпистемическим субъектам. Как представляется, акцент на потенциальных дефектах мышления может стать значимым аргументом в поддержку эпистемического патернализма, серьезным основанием для патерналистских действий, особенно если такие дефекты распространены и имеют фундаментальный характер. Одним из них является эпистемическая акрасия, которую мы и рассмотрим подробнее.

Акрасией обычно называют разрыв между убеждением и действием, когда человек сознательно и намеренно поступает вопреки собственному суждению о том, что считает правильным или должным. Типичным примером такого поведения считается следование вредным привычкам. Одной из первых тем о существовании не только практической, но и «интеллектуальной» акрасии подняла Амели Рорти. Она характеризует интеллектуальную акрасию как ситуацию, когда некоторое верование (*belief*) вступает в конфликт либо с другими продуманными и принятыми им убеждениями и принципами, либо с фактическим свидетельствами. «Человек убежден акратически, если он убежден, что *p*, хотя он имплицитно знает, что *p* противоречит весомым доказательствам или ряду принципов, которые он сам исповедует» [Rorty, 1983. P. 175].

Примеры расхождения между одновременно принятыми убеждениями весьма разнообразны. Так, Л. Загзебски в качестве примера интеллектуальной акрасии приводит ситуацию, в которой можно «...знать то, что слову конкретного человека нельзя доверять, но все равно верить его авторитету, если он совпадает с твоей позицией» [Zagzebski, 1996. P. 155]. Д. Дэвидсон примерами эпистемической акрасии считает принятие желаемого за действительное (*wishful thinking*), самообман, а также веру в то, что, как полагает сам субъект, не подтверждается или опровергается имеющимися свидетельствами [Davidson, 2004. P. 191]. А. Каримов называет эпистемическую акрасию формой интеллектуальной «обломовщины»: «Как Обломов не мог набраться решимости встать с дивана и воплотить свои замыслы, так же и человек может иметь определенные убеждения, но не иметь решимости сделать из них выводы» [Каримов, 2019. С. 257]. Если мы порицаем обломовщину, то эпистемический патернализм здесь можно понимать как ненасильственное принуждение к правильной работе мысли.

Иррациональной же ситуация эпистемической акрасии кажется в силу явного противоречия, когда некто убежден в *p*, при этом полагает также, что имеющиеся у него свидетельства не поддерживают *p*. Примером здесь может служить «парадокс Мура» – «идет дождь, но я в это не верю». Если в случае практической акрасии человек поступает так, как, по его мнению, он не должен поступать, то в случае

эпистемической акрасии человек верит в то, во что он верить не должен, или в то, для чего, по его мнению, у него нет достаточных оснований. Таким образом, с точки зрения идеальной или нормативной эпистемической рациональности эпистемическая акрасия если в каком-то виде и возможна, то иррациональна.

Как и в случае с практической акрасией, говорить о существовании эпистемической акрасии можно только в случае выполнения двух условий – «условие контроля» субъекта над своими мнениями и убеждениями и «условие понимания». Первое условие предполагает, что мы формируем наши убеждения в определенной степени осознанно, на основании некоторой рефлексии. Произвольность акрасии – это первое из ее «условий возможности». Если в области практического поведения предпосылка о произвольности (т.е. о свободе воли) не вызывает особых сомнений, то в отношении эпистемических установок ситуация другая. «Доксастический волюнтаризм», степень произвольности наших эпистемических установок, представляет собой отдельную проблему, где бремя доказательства обычно лежит на тех, кто обосновывает возможность такой свободы в той или иной степени.

Второе условие требует осознанного выбора в пользу того или иного мнения или убеждения при полном понимании альтернативной возможности и понимании того, что совершаемый выбор может быть не лучшим. «Акрасия, в двух словах, – это признак определённого рода свободы, и мы сможем понять её лучше, если глубже исследуем эту свободу» [Серль, 2004. С. 259].

Представляется, что эпистемическая акрасия является вполне законной целью для эпистемического патернализма, то есть для коррекционного вмешательства с целью поспособствовать упорядочению и интеграции когнитивных установок тех, о чьем когнитивном благе идет речь. Подчеркнем, что последствия такого патерналистского вмешательства могут оказаться благоприятными и в других сферах, однако здесь мы намеренно ограничились обсуждением только эпистемических следствий.

Эпистемический патернализм подвергается критике во многих отношениях, прежде всего потому, что он создает серьезную угрозу так называемой «эпистемической автономии», но, как напоминает Алстром-Вий, «...мы зависим от наших коллег в получении информации и результатов, на создание или воспроизведение которых у нас нет ни времени, ни опыта. Поэтому в подавляющем большинстве случаев ценой эпистемической автономии будет неспособность расширить наши эпистемические горизонты за пределы наших индивидуальных и зачастую узких эпистемических перспектив» [Ahlstrom-Vij, 2013. Р. 94]. Оправданы же эпистемические патерналистские вмешательства в том случае, если они предназначены не для того, чтобы говорить людям, во что им следует верить, а помочь понять, как это лучше делать.

Список литературы

- Каримов А.Р.** Эпистемология добродетелей. СПб.: Алетейя, 2019.
- Милль Дж.** О свободе // Абрамов М.А., Габитова Р.М., Фёдорова М.М. (сост.). О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 288–392.

- Платон.** Протагор. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 418–476.
- Серль Дж.** Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Ahlstrom-Vij K.** Epistemic Paternalism: A Defence. Palgrave Macmillan, 2013.
- Castro C., Pham A., Rubel A.** Epistemic Paternalism Online // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications. L.: Rowman & Littlefield, 2020. P. 29–44.
- Davidson D.** Problems of Rationality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Godden D.** Epistemic Autonomy, Epistemic Paternalism, and Blindspots of Reason // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020. P. 181–197.
- Goldman A.** Epistemic Paternalism: Communication Control in Law and Society // The Journal of Philosophy. 1991. vol. 88. № 3. P. 113–131.
- Jackson L.** Epistemic Paternalism, Epistemic Permissivism, and Standpoint Epistemology // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020. Ch. 13. P. 201–215.
- Rorty A.** Akratic Believers // American Philosophical Quarterly. 1983. vol. 20. № 2. P. 175–183.
- Zagzebski L.** Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

References

- Ahlstrom-Vij K.** Epistemic Paternalism: A Defence. Palgrave Macmillan, 2013.
- Castro C., Pham A., Rubel A.** Epistemic Paternalism Online // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020, pp. 29–44.
- Davidson D.** Problems of Rationality. Oxford, Oxford University Press, 2004.
- Godden D.** Epistemic Autonomy, Epistemic Paternalism, and Blindspots of Reason // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020, pp. 181–197.
- Goldman A.** Epistemic Paternalism: Communication Control in Law and Society // *The Journal of Philosophy*, 1991, vol 88, no. 3, pp. 113–131.
- Jackson L.** Epistemic Paternalism, Epistemic Permissivism, and Standpoint Epistemology // Epistemic paternalism: Conceptions, justifications, and implications London: Rowman & Littlefield, 2020, ch. 13, pp. 201–215.
- Karimov A.R.** Epistemologiya dobrodetelei. [Virtue Epistemology]. Spb., Aleteiya, 2019. (in Russ.).
- Mill J.S.** O svobode [On Liberty] // O svobode. Antologiya zapadnoevropeyskoi klasicheskoi liberalnoi mysli [Anthology of western classical liberal thought]. M., Nauka, 1995, s. 288–392. (in Russ.).
- Platon.** Protogor [Protagoras]. Soch.: v 4 t. T.1. M., Mysl', 1990, s. 79–420. (in Russ.).
- Rorty A.** Akratic Believers. *American Philosophical Quarterly*, 1983, vol. 20., no. 2, pp. 175–183.
- Searle, J.** Ratsionalnost' v deistvii [Rationality in Action]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2004. (in Russ.).

Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge.* Cambridge University Press, 1996.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022.
The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022.*